

АТРИБУТИВНЫЕ РЕГУЛЯТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ КАК КОМПОНЕНТ ИДИОСТИЛЯ МЕЛИТОНА КАЗИЕВА¹

ATTRIBUTIVE REGULATORY STRUCTURES AS A COMPONENT OF MELITON KAZIEV'S IDIOSTYLE

**A. Kudzoeva
I. Tibilova**

Summary: The article is devoted to the analysis of the regulatory potential of adjectives in prose of one of the largest modern South Ossetian writers M.R. Kaziev. The most typical groups of adjectives for the writer's language are analyzed in terms of semantic, structural and functional characteristics. Semantic relations between parts of composite adjectives are determined, individual author's new formations are identified, focused on describing the experiences of heroes, features of their external characteristics, psychological state, moral and ethical qualities and representing the author's intentions.

Keywords: regulatory potential, attributive regulatory structures, composite adjectives, author's intentions.

Кудзоева Анжела Федоровна

К.филол.н., доцент, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)
andjik@inbox.ru

Тибилова Инга Даниловна

К.филол.н., доцент, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова (г. Цхинвал, Республика Южная Осетия)
inga.tibilova2016@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу регулятивного потенциала адъективов в прозе одного из крупнейших современных югоосетинских писателей М.Р. Казиева. Анализируются наиболее типичные для языка писателя группы имён прилагательных по семантическому, структурному и функциональному признакам. Описываются особенности употребления узусных и окказиональных прилагательных. Определяются семантические отношения между частями композитных прилагательных, выявляются индивидуально-авторские новообразования, ориентированные на описание переживаний героев, особенностей их внешней характеристики, психологического состояния, морально-нравственных качеств и репрезентирующие авторские интенции.

Ключевые слова: регулятивный потенциал, атрибутивные регулятивные структуры, композитные прилагательные, авторские интенции.

Актуальность анализа текстов произведений крупнейшего современного югоосетинского писателя Мелитона Казиева связана с необходимостью комплексного исследования языковой картины мира осетин – народа, оказавшегося разделенным в результате социально-исторических катаклизмов и находящегося в составе двух государств, одно из которых – Республика Южная Осетия – в последние десятилетия переживает немало общественно-политических и социально-экономических потрясений. Как известно, цивилизационная ситуация через личность автора влияет не только на выбор «жизненного материала» текста, но и во многом отражается на методах и способах воздействия на читателя, на доминантных компонентах идиостиля писателя. В связи с этим представляет большой интерес выявление уникальных и универсальных регулятивных средств, способов, моделей текстообразования в современной осетинской художественной прозе, которое позволит увидеть через призму художественного мира авторов целостную языковую картину мира осетинского народа, а также выявить наиболее активные процессы в художественном

стиле современного осетинского языка.

Языковая картина мира понимается как «некоторая доминанта, определяемая национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией...» [9, с.37]. Разумеется, языковая личность писателя не является эксплицитным транслятором картины мира этноса, однако «глубинная аналогия между ними существует» [9, с.42], и проявляется она в идиостиле писателя как его «многоаспектного, многоуровневого проявления» [3], выражающегося в том числе в идиолексиконе, отборе и организации языковых единиц – в первую очередь лексических – для создания разного рода и жанра художественных текстов. Именно слово как лексическая единица обладает коммуникативным потенциалом, сфокусированным в его ассоциативном поле, и выступает «носителем определенного кванта знания и прагматического заряда» [2].

Целью работы является исследование регулятивного потенциала прилагательных в художественной прозе М.Р. Казиева. Для достижения заявленной цели необо-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ МОН РЮО в рамках научного проекта № 20-512-07002, проект «Коммуникативная стилистика современного осетинского художественного текста: проблема идиостиля и лексической структуры»

димо решение следующих задач: выявление лексико-грамматических и структурных особенностей прилагательных в аспекте идиостиля автора; анализ средств и приемы использования прилагательных для реализации авторских интенций.

Методологической базой исследования послужили работы В.И. Абаева [1], Н.С. Болотновой [2; 3], И.Р. Гальперина [4], Ю.Н. Караулова [9] и др. Для определения регулятивного потенциала прилагательных в идиостиле писателя были использованы методы семантико-стилистического анализа, количественных подсчетов, интроспекции, моделирования.

В качестве материала исследования использовано 12 новелл и 3 повести М.Р. Казиева. Проанализировано около тысячи словоупотреблений имён прилагательных. Источником анализируемого материала является издание: Казиев М.Р. Наказ Христа: новеллы, повести. Цхинвал: «ЦЫКУРА», 2016. 495 с.

Как известно, семантические, лексико-грамматические и стилистические особенности прилагательных определяют их значительный регулятивный потенциал как элементов текста, способных «передавать индивидуальноавторское мировосприятие» [6, с.7]. В художественной прозе М.Р. Казиева этот потенциал реализуется настолько ярко, что позволяет говорить об атрибутивных регулятивных структурах, в состав которых входят прилагательные, как о компоненте идиостиля писателя. Под атрибутивными регулятивными структурами (далее – APC) мы понимаем «различные по составу синтаксические конструкции с именами прилагательными, обладающие относительной смысловой законченностью, соотносённостью с одним художественным образом, актуализирующие в сознании читателя определенную микроцель автора» [6, с.5].

Отметим некоторые особенности прилагательных в системе частей речи осетинского языка, связанные, в первую очередь, с трудностями разграничения именных частей речи, не имеющих эксплицитно выраженных морфологических признаков. На этот факт указывал и В.И. Абаев, утверждая, что «в морфологическом плане в осетинском языке приходится различать только три части речи: имя, глагол и неизменяемые слова» [1, с.19]. Однако, с учетом лексического значения и синтаксической функции языковых единиц, в осетинском языке традиционно выделяются самостоятельные именные части речи, в том числе и прилагательные. Это оправданно еще и потому, что «в осетинском языке имеются пласты слов, являющиеся только именами существительными или только именами прилагательными» [7, с.288]

С учетом указанных признаков осетинских прилагательных в данной работе анализу подлежат не отдель-

ные лексические единицы, а «собственно атрибутивные регулятивные структуры» [6, с.5] - различные словосочетания с зависимым компонентом - определением, выраженным прилагательным.

Выявленные путем сплошной выборки из текстов повестей и новелл М.Р. Казиева APC по количеству компонентов делятся на двухчленные и многочленные.

Двухчленные APC с простыми прилагательными: *ацæргæ хæстон* «пожилой воин»; *дæрд æрвæгæрон* «дальний горизонт» (здесь и далее перевод мой – А.Ф.); *æргом уайдзæфтæ* «откровенные упреки»; *æнусон дуне* «вечный мир» (то есть загробный мир – А.К.); *хæстон фæлыст* «боевое снаряжение»; *æнæрайы зæрдæ* «проклятое сердце»; *чындздзон чызгау* букв. «как на выданье девушка»; *зæрдæбын хъæбыс* «сердечное объятие»; *тæвд былтæ* «горячие губы»; *æнæрайы хæст* «проклятая война».

Двухчленные APC со сложными прилагательными (в подавляющем большинстве случаев осетинские сложные прилагательные переводятся простыми прилагательными, а в скобках дается буквальный перевод составляющих их компонентов): *сæрбæрзонд хъуыдытæ* «гордые мысли» (голова+высокая), *тугкæлæн хæст* «кровопролитная война», *сæрыстыр Арцтох* «гордый Арцтох» (голова+большая), *армыдзаг Чъребайы сахар* «маленький город Цхинвал» (горсть+полная), *удæгас мæсгуытау* «как живые башни» (душа+живая), *хуыцауысконд адæймаг* «божий человек» (Богом созданный), то есть праведный человек.

Более многочисленны многочленные APC с двумя и более простыми прилагательными, что свидетельствует о намерении автора дать как можно более яркую, образную характеристику описываемому предмету или явлению: *кæстæр къæбæда лæппу* «младший избалованный мальчик»; *зачъеджын зæронд лæг* «бородатый старый мужчина»; *æхсаргарды æнæбон, уæлæнгай хыбар-хыбур* «слабое, поверхностное царапание меча»; *ацы дзæбæх бадгæ бонтæ* «эти замечательные выходные дни»; *рахиз, дзæбæх æрфыг* «правая, хорошая бровь». Как отмечает Н.С. Болотнова, «в интерпретации адресатом фрагмента концептуальной картины мира автора, воплощённой в тексте, велика роль лексических средств, а процесс понимания в целом становится возможным благодаря общности лексикона участников общения» [2]. Благодаря этой общности словосочетание *рахиз, дзæбæх æрфыг* «правая, хорошая бровь» вызывает в сознании читателя яркий элемент осетинской языковой картины мира – примету: правая бровь чешется к добру, левая – к беде.

Многочленные APC с двумя сложными прилагательными зачастую содержат одно узуальное и одно окказиональное прилагательное, при этом окказиональное слово по принципу градуальности дополняет признак,

выраженный узуальным словом: *риубæгъд*, *саджы фисынтыламад хæстонтæ* «с открытой грудью, олене-подобные воины» (грудь+открытая, по подобию оленя скроенные); *хæстдзагъд*, *тугæрхæм хæстонтæ* «ушавшие от войны, окровавленные воины» (война+побитые, кровь+подтек); *уæлахиздзау*, *цинæфсæст хæстонтæ* «победившие, радостные воины» (победоносные, радостью упоенные).

Функции особой регулятивной структуры выполняют в прозе М.Р. Казиева многочленные АРС с двумя и более простыми и сложными прилагательными. *Уыцы нуарджын, зачъеджын, тугъулон цæсгæмттыл æрфысым æнусон хъызæмар* [8, с.5]. «На этих мускулистых, бородастых, выпачканных кровью лицах поселилась вечная боль». *Сæрвасæнæй йын уыцы лæмбынæг фæфаста йæ тасæфтауæг бæзджын, тарсырх барц* [8, с.11]. «Гребешком он очень старательно расчесал его навевающую страх густую темно-красную гриву». «Человек, особенно мужчина, должен быть бесхитростным, открытым» (букв. откровенно говорящим). *Алантæ – тыхджын, сæрыстыр, тæригъæдгæнаг адæм* [8, с.29]. «Аланы – сильный, гордый, жалостливый народ». *Мадзура æмæ къуырма, саузæрдæ æмæ æдзæстуарзон, мыййаг, нæ уыдис, фæлæ* [8, с.40]. «Молчуном и глухим, черствым (букв. – с черным сердцем) и недоброжелательным он, конечно же, не был. *Цуцурийæн йæ цæстытыл ауад се стыр, дзуарсасы цæу* [8, с.417]. «Перед глазами Цуцури встал их большой, со скрещенными рогами козел».

Среди многокомпонентных АРС наибольшее количество составляют структуры с двумя простыми или двумя и более простыми и сложными прилагательными. Как простые, так и сложные прилагательные значительно расширяют объем номинации, в целом увеличивая информационную емкость произведения, усиливая его эстетическую значимость и эмоциональную насыщенность. Практически все произведения автора, из текстов которых делалась выборка АРС, так или иначе связаны с темой войны. Маленькая республика, народ которой в течение века подвергается геноциду со стороны грузинских националистов, постоянно живет в состоянии напряженного ожидания очередной агрессии. И герои автора, вместе со своим народом переживающего все тяготы этой ненормальной для цивилизованного человека жизни, с оружием в руках отстаивавшего свое право на достойную жизнь на земле своих предков, не могут не быть воинами, ненавидящими насилие, порабощение одного человека другим, идею превосходства одного народа над другим, готовыми отстаивать свою свободу и свою землю даже ценой своей жизни.

Прилагательные в составе АРС актуализируют важнейшие с точки зрения автора качества свойства, качества лица, предмета или явления: гордость, свободолюбие, человеколюбие, правдивость, трудолюбие:

тыхджын, сæрыстыр, тæригъæдгæнаг адæм «сильный, гордый, жалостливый народ», *тугъулон, лæггæй-лæгмæ хæст* «кровопролитная, лицом к лицу битва», *уарзтмонц, æвзонг уд* «жаждущая любви, юная душа», *цъыфхор уæйгæнджытæ* «грязные предатели» (букв. поедающие грязь), *рæстаг, ударон, æргомдзырд* лæг «правдивый, порядочный, откровенный человек», *зонджын æмæ æгъдауы фыдæлтæ* «мудрые и благородные предки».

Как отмечает И.Р. Гальперин, «тексты <...> обладают способностью выражать не только то, что подвержено буквальной интерпретации, но и то, что втянуто в текст ассоциациями и коннотациями, подчас и неосознаваемыми» [4, с.25]. Реализуя авторские интенции, способствуя выстраиванию диалога читателя и стоящего за текстом автора, прилагательные используют в контекстах весь свой образный потенциал, ярко проявляют наличие оценочного (положительного или отрицательного) компонента: *ирон аив нымæтху* «осетинская красивая войлочная шляпа», *къабафадыг хæлаф* «брюки с платьеобразными штанинами», *къæдзæхыйас галтæ* «величиной с гору волы», *хин æмæ фыд адæм* «хитрые и злобные люди», *худгæбыл чызг* «девушка с смеющимися губами», *цинмондаг зæрдæ* «жаждущее радости сердце», *сау-сауид хабæрттæ* «черные-пречерные вести».

С учетом лексико-грамматических и структурных особенностей входящих в состав АРС прилагательных мы выделили следующие типы структур:

1. АРС с простыми качественными прилагательными: *цъæх-цъæхид хъугæмтты* «на зеленых-зеленых лугах», *хъæлдзæг, цины хуыррытт* «веселое, радостное ржание», *сау калмау* «подобно черное змее», *хъæды халонæй иунæгдæр* «более одинокий, чем лесной ворон»;
2. АРС со сложными качественными прилагательными: *æнæхинзæрдæ лæппуйæн* «парню с бесхитростным сердцем», *парахатдзæсгом лæппулаг* «широколицый молодой мужчина», *сæрыстыр Арцтох* «гордый Арцтох»;
3. АРС с простыми относительными прилагательными: *æнусон дунемæ* «в вечный мир», *уæларвон зæды къалиуау* «как небесный ангел», *хæстон фæлыст* «боевое снаряжение», *дзæгъæл нæмыг* «шальная пуля», *æндон нуæрттæ* «стальные мускулы»;
4. АРС со сложными относительными прилагательными: *къабафадыг хæлафы* «в брюках с платьеподобными штанинами», *армыдзаг Чъребайы сахар* «с горсть город Цхинвал», *удæгас мæсгуытау* «подобно живым башням», *хуыцауысконд адæймаг* «богом созданный человек»;
5. АРС с простыми и сложными качественными и относительными прилагательными: *æрхъуыдыджын, хæдзæрдзин адæймаг* «сообразительный, хо-

зыйственнй человек», *рахиз, дзэбæх æрфыг* «правая, хорошая бровь», *амæй-ай фидæрттæ*, *базыхъондæр лæппутæ* «парни один другой крепче, мощнее сложенный», *тугамæст, салд, судзаггаг ласгæ мæрдтæ* «окровавленные, окоченевшие, обжигающие горем привозимые трупы».

Значительное количество и яркая образность, высокая экспрессивность сложных прилагательных в текстах М.Р. Казиева позволяют признать их компонентами индивидуального стиля писателя. Среди композитных прилагательных есть как узуальные, так и индивидуально-авторские, окказиональные слова.

АРС с узуальными сложными прилагательными: *Æнæ Арцтох дæр ын уæлахиздау, цинæфсæст хæстонтæй хъырнджытæ разындис* (8, с. 10). «И без Арцтоха нашлись подпевалы среди победоносных, упоенных радостью воинов». *Æмæ хуыцауысконд лæгæн чысыл сулæфид йæ тарст, йæ фæлмæцыд, йæ рыст уд* [8, с.55]. «И немного полегло бы испуганной, усталой, изболевшейся душе хорошего (букв. – созданного Богом) человека». *Иу рæстæджы уыцы ставд, тугхæццæ цæссыгтæ фемæхстысты* [8, с.76]. «Вдруг потекли эти крупные, смешанные с кровью слезы». По сравнению с простыми, сложные прилагательные обладают большей выразительностью, изобразительностью, экспрессивностью, то есть большим потенциалом для реализации авторских интенций, трансляции его идей и чувств.

Еще более действенным способом повышения образности, яркости и экспрессии художественного текста являются авторские инновации – окказиональные композитные прилагательные. Следует указать, что при определении узуальности / окказиональности прилагательных мы исходили из того, что «приоритетными признаками, идентифицирующими окказиональную композитную лексику, являются *неузнаваемость слова* вне контекста и *неотделимость* контекста от композита» [5, с.366].

Среди композитных окказиональных прилагательных, входящих в АРС в произведениях М.Р. Казиева, наиболее частотны следующие семантические типы:

- слова со значением характеристики психологического или интеллектуального состояния: *уар-зтмонц уд* «жаждущая любви душа», *хъуыдыхуыз бæх* «кажущийся задумавшимся конь», *цинæрра хæстонтæ* «сумасшедшие от радости воины», *сæрцæф паддзах* «царь с раненной головой», *æууæндагзæрдæ адæм* «народ с доверчивым сердцем», *худгæцæст зæрватыччытæ* «ласточки со смеющимися глазами», *цинзæрдæ лæппутæ* «парни с радостными сердцами», *сæрмакæс сылгоймаг* «сохраняющая достоинство женщина», *гæнæхинзæрдæ лæппу* «парень с бесхитростным сердцем»;

- слова со значением внешней характеристики: *фæздæгарыд, ирдгæсыгъд ных* «обожженный дымом, опаленный ветром лоб»; *авгсаст рудзынг* «с разбитыми стеклами окно», *парахатдзæсгом лæппулæг* «молодой мужчина с изобильным лицом», *дымстбазыр фындз* «нос с раздутыми крыльями»;
- слова с оценочным значением: *удмарæн хъыллыстытæ* «убивающие душу вопли»; *маргæмдзаг цæстытæ* «наполненные ядом глаза»; *сæрбæрзонд хъуыдытæ* «мысли с высоко поднятой головой», *намыссæфт фысым* «потерявший честь хозяин»;
- слова со значением сравнения: *саунамыг цæстытæ* «черничные глаза»; *саджы фысынтыламад хæстонтæ* «сложенные по подобию оленя воины»; *къабафадыг хæлаф* «брюки с похожими на платье штанинами».

Разумеется, все приведенные нами сложные прилагательные в той или иной мере обладают оценочным значением, «позволяя автору сразу же наметить или прямо выразить свое отношение к герою» [10, с.214], однако мы распределили их по семантическим группам в зависимости от того, какой компонент преобладает их значении – чисто оценочный или какой-либо другой.

Приоритетными способами образования окказиональных композитных прилагательных в творчестве М.Р. Казиева являются сращение и сложение основ без соединительного элемента. Приведем примеры окказиональных прилагательных, образованных указанными способами: сращение: *æрдæгмард* «полумертвый», букв. «наполовину мертвый»; *æууæндагзæрдæ* «доверчивый», букв. «доверчивое сердце»; *худгæцæст* «смеющийся», букв. «смеющийся глаз»; *цæнгæтбуар* «со стальным телом», букв. «стальное тело»; сложение слов без соединительной гласной: *хæстдзагъд* «покалеченный войной», букв. «война+битый»; *фæздæгарыд* «опаленный дымом», букв. «дым+опаленный»; *ирдгæсыгъд* «обожженный ветром», букв. «ветер+обожженный».

Семантика сложных прилагательных с сочинительными отношениями между объединяемыми компонентами складывается из суммы значений этих компонентов, поэтому композиты выражают два типа признаков:

1. сложный признак, состоящий из дополняющих друг друга признаков: *хъазæн-рæмпъузæн дзырдæппарæн* «шутливо-колющие реплики», букв. «шутливые-колющие»; *сусæг-æргом артæнхæлдтæ* «скрытые и откровенные насмешки», букв. «скрытые-откровенные»;
2. сложный признак, состоящий из признаков, один из которых усиливает другой: *тарсырх барц* «темно-красная грива», *цъæх-цъæхид хъугæмттæ* «на зеленых-презеленых лугах», *сау-сауид галтæ*

«черные-пречерные воны», *сырх-сырхид магнау* «красная-красная пшеница».

Абсолютное большинство сложных прилагательных в произведениях М.Р. Казиева – это закрытые структуры со смысловыми отношениями подчинения между объединяемыми основами, при этом опорный компонент, как правило, выражен существительным. По сути, эти композитные прилагательные представляют собой сращение или соединение компонентов словосочетания: *риубæггд хæстонтæ* «воины с открытой грудью», букв. «грудь открытая»; *цыппарцæлхыг уæрдæттæ* «четырёхколёсные колесницы», *хæстæллад лæг* «уставший от войны мужчина»; *кæдзæхыйас галтæ* «волы размером с гору», *хурсыггд цæсгом* «обожжённое солнцем лицо», *хинæйдзаг адæм* «хитрые люди», букв. «хитрости полные»; *тымбылфындз*, *тымбылуадул Сириноз* «круглоносый, круглощёкий Сириноз», *авгсаст рудзынг* «с разбитыми стеклами окно», *цæстсайæн рухс* «обманывающий глаз свет».

Таким образом, в художественной прозе М.Р. Казиева в составе APC представлены простые и сложные прилагательные семантических групп со значением описания психологического или интеллектуального состояния, портретных характеристик, с оценочным значением и со значением сравнения. Наиболее частотными являются слова, определяющие и оценивающие психологические, морально-этические качества и свойства. Ярким маркером идиостиля писателя являются окказиональные композитные прилагательные, образованные путем сращения или сложения основ без соединительного элемента. Своеобразие творческой манеры автора заключается в его обращении к многочисленным APC с двумя и более простыми и сложными прилагательными, выражающим несколько оценочных, описательных и экспрессивных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. 168 с.
2. Болотнова Н.С. Коммуникативный потенциал слова / В книге: Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет. Под редакцией А.П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 232-233. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24494071_82983224.pdf (дата обращения 01.07.2021)
3. Болотнова Н.С., Котурова М.П. Идиостиль, или индивидуальный стиль / В книге: Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет. Под редакцией А.П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 175-178 URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24548511_78852364.pdf (дата обращения 01.07.2021)
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
5. Гвоздева Е.В. Сложные слова-окказионализмы: способы выявления идентификационных признаков // Филологические науки. Вопросы теории и практики 2021. Том 14. Выпуск 2. С.361-367.
6. Громова А.В. Регулятивный потенциал прилагательных в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой. Автореферат дисс. На соискание ученой степени кандидата филологических наук.. Томск. 2010. 28 с.
7. Дзодзикова З.Б., Кунавин Б.В. Вопрос разграничения существительных и прилагательных в современном осетинском языке в сопоставлении с русским // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова Общественные науки 2012, № 1 . с.287- 291.
8. Казиев М.Р. Наказ Христа: новеллы, повести. Цхинвал: «ЦЫКУРА», 2016. 495 с.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
10. Макарова Е.А. Парадигмы идентифицирующих номинаций лица как компонент композиционно-лексического уровня художественного текста (на материале имени прилагательного) // Вестник ИрГТУ. №7 (90). 2014. С.212- 219.

© Кудзоева Анжела Федоровна (andjik@inbox.ru), Тибилова Инга Даниловна (inga.tibilova2016@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»